

Политическая коммуникация за ширмой глобализма. Политико-философский аспект.

Научный руководитель – Казбан Елена Петровна

Богомолова Евгения Сергеевна

Выпускник (специалист)

Государственный университет управления, Институт государственного управления и права, Москва, Россия

E-mail: es.bogomolova@yandex.ru

Общественные связи становятся движущей силой политического прогресса и приобретают массовый характер. Они необходимы для жизнедеятельности общества и, в этой связи, подвергаются массовому социальному контролю. В самом прямом смысле, такой контроль можно определить как процесс, посредством которого происходит систематическое распространение сообщений среди численно больших рассредоточенных аудиторий, где целью является информирование и оказание идеологического, политического, экономического, психологического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведения людей[4]. В виду своей масштабности и психологизма влияния такие каналы передачи информации как печать, радио, телевидение, Интернет и социальные сети вытесняют своей идеологией ставшие уже «кулуарными» культурные и духовные основы самоидентичности семьи, религии и образования.

К сожалению, пространство четвертой власти, не сумело в России заpastись средствами эффективной самозащиты и самоорганизации от глобалистских тенденций. Глобалистический мир — это система организационных предпринимательских форм, политических партий, большой прессы и забюрократизированных организаций. И этот мир, в угоду монополизировавший право на современность, на законодательство моды на то, что считается передовым и прогрессивным, оставил вне его всякую связь с крестьянством — древнейшей социальной группой, связанной с самой природой женщины, таинственной природой женских начал в духовной идентичности[3].

Однако, не самое страшное, что централизованные каналы массовой коммуникации целенаправленно отлучают нас от национального культурного наследия, чтобы сделать манипулируемыми извне. Гораздо страшнее оказывается связь тех или иных процессов и явлений исключительно с мерилкой рыночного постулата. Прогресс или застой, развитие или отсталость, модерн и традиционности, демократия и тоталитаризм - сегодня все это осмысливается под знаком рыночного путеводителя. В ключе глобалистских тенденций только в отсутствии препятствий рыночным механизмам видятся предпосылки атрибутам благополучия, прав человека, демократического плюрализма и безграничной толерантности[3].

Таким образом, коммуникационные структуры общественности, всецело поглощенной властью средств массовой информации, настолько ориентированы на пассивное и развлекательное использование каналов коммуникации, что целостные идейные образцы попросту не могут быть возвращены на духовно бесплодной почве. Фрагментаризированные дискурсы повседневного сознания занятых досугом потребителей не только не дают образовываться идеологии классического типа, в известной мере они сами стали господствующей формой разъединенной идеологии[5].

Тяжело отмечать, что от развитости такого вида массовой культуры, ее адекватности другим видам культуры, в корне зависят богатство, эффективность и мощь общественных[4]. Именно культурой влияния на человека в совокупности со степенью развитости си-

стемы общественных связей, осуществляется регулирование усвоения индивидом политической культуры, ее передачу от поколения к поколению и от индивида к индивиду[1]. То есть, под таким влиянием происходит идентификация политики власти глубинной психологии народа, его национальному характеру.

Политическая культура обладает титаническим запасом прочности и повышенной сопротивляемостью к любым воздействиям. Любое существенное влияние на нее означает разрушение наличествующих и утверждение иных принципов объединения населения в политическое единство. Трансформации в этой области сродни тектоническим сдвигам, а качественные преобразования политической культуры неразрывно связаны с глубинным «базальтовым» изменением ее носителя.

Паттерны нового модернистского типа политической культуры обрели поддержку. Нашлись даже основания этого выбора, однако, за бортом оставили критерии определения степени их «чуждости» российскому народу. Речь идет о том, что постулаты новой парадигмы призвали на службу для прерывания молчания жизненного мира, для того, чтобы вытащить наружу еще не прорезавшийся голос, введя его представителей в круги, где принимаются решения. Глобалистика дала обещание заговорить языком задвинутой повседневности, языком доселе приглушенных групп общества, хотя и без учета их духовных предпосылок к таковому.

Когда изъявление становится совокупностью многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу и затрагивает большую группу людей, оно, как общественное, уже несет в себе консенсусную необходимость.

В глобалистическом большом мире, с его идеей массовости и стиранием всяческих границ, мы все меньше можем связывать тождественность нашего Я с конкретными ролями. В этой связи только абстрактная способность создавать полностью индивидуальный жизненный проект позволяет нам быть и оставаться самими собой среди сложных и меняющихся ролевых, ожиданий[2].

Энергетика эгоизма и нарциссизма, которой не обделена эпоха глобализма, десоциализирует граждан. Люди постмодерна не только не способны к плодотворной кооперации в рамках сотрудничающего гражданского общества, но и к элементарному цивилизованному и правовому и политическому поведению. Альтернативная энергетика альтруизма, сострадания и сочувствия — вот животворящий источник будущего, то несметное сокровище, покоящееся в недрах великой религиозной и исторической традиции.

Россия, ставшая эпицентром разрушительной работы глобалистов, не может выжить, не открыв этих новых перспектив.

В игру с нулевым исходом под названием «немного больше рынка, потом немного больше плана» Россия уже безуспешно сыграла. Началась новая игровая партия и, казалось бы, предвиделся сдвиг, схожий с тектоническим. Однако, когда говорят о глобализации как о новой победе трансконтинентальных коммуникационных принципов над изоляционистским, попросту забывают упомянуть, что сет новой партии выходит все также с нулевой суммой: такая коммуникабельность элит оплачена невиданной доселе изоляцией массы, запираемой в немое пространство гетто[3].

Конечно, децентрализация процесса принятия решений, лучшие стратегические модели, принцип сетевого администрирования, большая гибкость и гласность — все это играет не последнюю роль в успехе политических практик. Но заявленная «коренная» перестройка должна, в первую очередь, касаться реформы культурного, так называемого «базальтового слоя» политической системы - пресечь в корне зло, царившее в бюрократизме господства номенклатуры. Гласность должна действительно иметь что-то общее с прозрачностью и открытостью - означать свободное движение мнений во всем его плюрализме, повсе-

местное вовлечение граждан в процессы управления, активное их функционирование в независимых ассоциациях - сбросить оковы с производительной силы коммуникации.

Источники и литература

- 1 Алешина И.В. Паблик Рилейшнз для менеджеров. Учебник. М.: ИКФ “ЭКМОС”, 2006, с. 19.
- 2 Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002, с. 62.
- 3 Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // Наш современник, 2001, №11.
- 4 Управление общественными отношениями: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. // Под общ. Ред. В.С. Комаровского. – М.: Изд-во РАГС, 2009, с. 21.
- 5 Хабермас Ю. Демократия Разум. Нравственность. М.: АО «КАМІ», 1995, с. 91.